

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗВУКОВОГО ПРОСТРАНСТВА БЫТИЯ
В РОССИИ 1920-х ГГ. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБРАЗОВАНИЕ В XX В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКОВ Н.Ф. ФИНДЕЙЗЕНА)¹**

© 2017 В. А. Лаптева

*канд. пед. наук,
доцент кафедры музыкального искусства и образования
e-mail: veronika_lapteva@mail.ru*

Курский государственный университет

Статья посвящена анализу дневников Н.Ф. Финдейзена с позиции выявления тенденций в музыкальной жизни России, ярко проявившихся в 1920-е гг. и приведших к необратимым последствиям, оказавшим влияние на все сферы жизни, в числе которых одна из самых значимых – образование.

Ключевые слова. Звуковое пространство, дневники Н.Ф. Финдейзена, образование.

1920-е годы в России – один из тех политически нестабильных исторических периодов в жизни страны, когда происходила активная трансформация сознания людей. Изменения касались не только социальной, политической, религиозной сфер бытия человека, но и его взаимодействия с миром искусства.

Разнообразные и при этом диаметрально противоположные устремления в поэзии, театре, музыке того времени, возникшие благодаря введенной вслед за «военным коммунизмом» «новой экономической политике» в первой половине третьего десятилетия XX в., весьма своеобразно представлены в дневниках деятелей искусства и культуры того времени [Дневники... 2016]. По словам М.Л. Космовской, посвятившей свою научно-исследовательскую деятельность изучению архивов русских музыкантов, «отражение ощущения расширяющейся многомерности сознания, характерного для музыкантов второго-третьего десятилетия XX в. (от додекафонии А. Шёнберга – к микротоновым поискам А.А. Лурье, Н.Б. Обухова, Н.А. Рославца и своеобразной уникальной системе мышления К.К. Сараджева с его слышанием 1701 звука в октаве), находим и в дневниках Н.Ф. Финдейзена» [Космовская 2016: 26].

Но из всего многообразия художественно-музыкальных стилей к концу 1920-х гг. остается лишь то, что соответствует политике правящего класса: пропагандируется идея «понятности» искусства; провозглашается запрет веры в Бога, что исключает целый пласт музыкальной культуры; практически уходят в небытие лучшие музыкальные традиции общего образования (например, песенные системы для обучения детей чтению по учебникам К.Д. Ушинского [Ушинский 1948]) и т.д.

Вследствие грандиозных политических потрясений и переворотов, произошедших в России, происходит стремительное изменение мышления представителей социума от музыкального к бытовому. И эта тенденция оказалась настолько сильна, что во многом предопределила для последующих десятилетий особенности не только бытия, но образования и воспитания, которые потеряли присущую им ранее гармоничность звукового пространства под воздействием событий,

¹ В настоящее время эти идеи находят свое развитие в рамках научного проекта №15-04-00191 «Дневники Н.Ф. Финдейзена 1920-1924 годов (расшифровка рукописи, исследование, комментирование и подготовка к публикации)», поддержанного **Российским гуманитарным научным фондом**.

произошедших в России в начале XX в. Всё это еще более усугубили изменения структуры российского общества, обусловленные массовой эмиграцией интеллигенции и последующими репрессиями.

Будучи ученым, музыкально-общественным деятелем, историком, источниковедом и историографом русской музыки, музыкальным критиком, создателем и бессменным редактором-издателем «Русской музыкальной газеты», он также был и педагогом. И именно в 1920-е гг., осознавая значимость музыкального образования для каждого человека, Николай Федорович читал лекции по истории музыки в Археологическом институте, Хозяйственной академии рабоче-крестьянской Красной Армии, на факультете общественных наук Петроградского университета, проводил курсы по ликвидации музыкальной безграмотности при Музее Филармонии, а также работал, развивая те же идеи, в единой трудовой школе (аналог современной общеобразовательной).

И в дневниках действительно есть записи, демонстрирующие бурную деятельность Н.Ф. Финдейзена и даже удовлетворенность ею: «...набросал для Дедюлиной школы куплеты к водев<иллю> “Беда от нежного сердца”, поет в последнюю субботу, а в Благовещенье закончил школьный гимн, на текст Дедюлиной; кажется удался, хотя и вышел в каком-то скандинавском характере. В субботу же и играл на учительской вечеринке. <...> приводил в порядок и переписал мой курс в Археолог<ическом> инстит<уте>. <...> На Пасхе устроил музык<альный> сеанс у нас с Васильевым и Садовским» [Финдейзен Дневники 1920–1928: 35 об].

Есть и подтверждение сохранявшихся в некоторой степени традиций организации звукового пространства бытия. Вот как Н.Ф. Финдейзен описывает свадьбу дочери Людмилы: «...маленький свадебный поезд пришел к нам – и их – видя из окна, – встретил мендельсон<овским> маршем. Вес<еловский>» [Там же: 16 об] и открытие музыкального кабинета в Археологическом Институте: «Сыграл С-duг'ную ув<ертюру> Бетховена «Zur Weihe des Hauses»², чтобы наполнить торжественными звуками новое помещение» [Там же: 54 об].

Да и публика (в зависимости от «серости» которой приходилось «импровизировать вступительное слово») не всегда была безнадежна, что подтверждалось в процессе работы «концертных экспедиций», в которых Н.Ф. Финдейзен участвовал в качестве лектора: «В каждом концерте (даже бетховенском!) просили Белянина спеть песню Мефистофеля из “Фауста” и почти в каждом он пел “Блоху” Мусоргского, имевшую – также как рондо Фарлафа и песня Варлаама – наибольший успех» [Там же: 8 об].

Однако изменения, происходившие в звуковом пространстве жизни людей, были колоссальны. Н.Ф. Финдейзен 22 марта 1920 г., фиксируя свое впечатление от конференции сценических деятелей, состоявшейся во «Дворце труда», которую «высидел почти всю», отмечает: «Кто из докладчиков читал громче, тому и аплодировали больше» [Там же: 5]. Готовность подчиняться лишь силе, в данном случае, силе звука, предоставляла последнему возможность вырваться из-под влияния человека и оказывать воздействие совершенно непредсказуемым образом.

Да и сам человек, не зная истинного назначения звучания, то здесь, то там ломал установившиеся столетиями культурные коды. Вот какая запись появилась в дневнике Н.Ф. Финдейзена 18 июля 1920 г.: «Утром, за словарем, ужаснули меня долетевшие обрывки похоронного марша Зигфрида – Вагнера – думал, что хоронят какого-либо нового подвижника на дело св<ятой> “революции”. Оказалось, что просто репетиция к

² «Для освещения дома» (нем.).

завтрашнему (отложенному со вчерашней субботы) дню III интернационала» [Финдейзен Дневники 1920–1928: 20 об].

Другой чертой этого времени, запечатленной в дневниках, стало нередко проявлявшееся желание людей заниматься тем, в чем они разбираются, мягко говоря, недостаточно хорошо. Большое влияние здесь сыграл образ «ленинской кухарки», появившийся вследствие донельзя упрощенного понимания первоначального смысла высказывания: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством» [Ленин 1969: 315], для этого необходимо «обучение делу государственного управления» [Там же].

С музыкой в этот период происходило то же, что и с государством, – желающие управлять ею, не научившись, также находились. Вот один из примеров. Н.Ф. Финдейзен сделал запись в дневнике о встрече с «неким Сусловым», о котором пишет: «Он юрист, читал лекцию о большевиках, но решил стать лектором по муз<ыкальной> части (!)» [Финдейзен Дневники 1920–1928: 10].

Профессиональная некомпетентность приводила и к другим – гораздо более плачевным последствиям: «Сжигаем хоровые партии библиотеки Singacademie³ – вот результат многолетней культурной деятельности» [Там же: 42 об].

Нестабильны и другие ощущения от жизни, зафиксированные в дневниках. Обратим внимание на то, что постепенно из его быта уходит то, что всегда было главным, то, что составляло суть и смысл бытия: «Скоро месяц, как совсем забросил рояль» [Там же: 18 об]. «И здесь полный разброд. Так тошно, что перестал молиться – или Бог нас оставил, или Бога нет – и от него просто можно уйти...» [Там же 1920–1928: 35]. И как результат – «Разочаровался и в Инст<итуте>, и в школе, и в Акад<емии>, и в Общ<естве> др<евней> письм<енности>, и в литер<атурно>-научн<ых> кругах, и в отдельных персонажах – действуют так удручающе, что снова выплывает старая мечта... и скоблит, и сверлит мозг...» [Там же: 63 об]. «Над лекциями не работается. Апатия все разъедает» [Там же: 64].

Но мысли о необходимости создания единой системы для осуществления всеобщего музыкального образования не оставляли Финдейзена-педагога. О курсе «Музыкальная археология» он записал в дневнике: «Вчера – новая мысль – провести курс совершенно иначе – под новым углом зрения – развития муз<ыкального> творчества и преемственности муз<ыкальных> явлений – в связи с обществ<енной> жизнью государства и даже политикой государей. Только при такой постановке могут войти в общую истор<ическую> картину более мелкие факты, композиторы, теоретики и вообще деятели, придававшие известный колорит и смысл эпохе и совершенно ускользавшие при биографической истории – одних великих мастеров. Но такая задача трудна. Справлюсь ли...» [Там же: 43 об].

Нельзя с точностью утверждать, была ли эта задача действительно столь трудной для Финдейзена, но совершенно точно ее решение не представляло возможности для трансформации бытового мышления до уровня музыкального для большинства представителей социума с той же быстротой, с которой произошла обратная метаморфоза. В тот момент эта задача была, по-видимому, не просто трудна, а тщетна.

Система общего образования, сформировавшаяся к началу XX столетия и имевшая свои традиции организации звукового пространства, бравшие свое начало из традиционных бытийных явлений (к примеру, для каждого сословия существовали свои культурные коды – для каждой конкретной ситуации, было свое определенное звучание; также существовали звучности, понятные всем без исключения, но теперь не

³ Певческой академии (нем.).

принимаемые и даже отвергаемые т.д.), в процессе совершившихся трансформаций сознания достигла точки невозврата [Космовская 2014]. И почти весь XX век потребовался для того, чтобы лишь к его последнему десятилетию в образовании начали появляться методики, имеющие базой традиционные взгляды на сущность и возможности звука и основанные при этом на современных подходах к организации учебной и воспитательной деятельности.

Работа с дневниками Н.Ф. Финдейзена внесла существенный вклад в содержание разработанной нами педагогической концепции, которая представляет собой совокупность научных взглядов на цели, задачи, принципы, основные направления организации звукового пространства образования⁴. В русле концепции развивается и педагогическая технология [Лаптева 2015; 2016], направленная на создание гармоничной звуковой среды образования и, соответственно, преодоление трансформаций звукового пространства бытия (ярко проявившихся в 1920-е годы и получивших развитие на протяжении минувшего столетия), то есть на совершенствование общего музыкального образования человека в разных видах деятельности, особенно тех, которые в XX в. перестали восприниматься как музыкальные. Ведь, как справедливо утверждал Н.Ф. Финдейзен, «художественно образованный человек и к жизни предъявляет более благородные требования, и к явлениям искусства относится более сознательно и серьезно» [Финдейзен 1918].

Ведущую роль здесь играет обучение грамотному взаимодействию со звуком, то есть умение организовывать звучания жизни с позиций их художественной значимости, здоровьесбережения. И это должно стать одной из базовых ценностей человека в современной системе образования.

Библиографический список

Дневники Н.Ф. Финдейзена и материалы «Русской музыкальной газеты» о первой мировой войне: Публикацию подготовила М.Л. Космовская // Вопросы истории. 2016. № 3. С. 69–89.

Космовская М.Л. Годы войн и революционных переворотов в дневниках Н.Ф. Финдейзена 1915–1920 гг. // Финдейзен Н.Ф. Дневники 1915–1920: Вступ. статья. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН. 2016. С. 5–145.

Космовская М.Л. Реформы образования и музыкальное воспитание // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2(30). URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/035-020.pdf>

Лаптева В.А. Организация звукового пространства в современной начальной школе // Начальное образование. 2015. Т. 3. № 2. С. 17–24.

Лаптева В.А. Роль и функции учителя музыки в организации звукового пространства современной общеобразовательной школы // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 1(37) [Сайт]. – URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/042-015.pdf>

Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Полное собрание сочинений. Т. 34 (июль–октябрь 1917). М.: Политическая литература, 1969. С. 289–339.

Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 11 т. / редкол. А.М. Еголин, Е.Н. Медынский, В.Я. Струминский. Т. 4. М: АПН РСФСР. 1948. 679 с.

Финдейзен Н.Ф. Дневник (1920–1928). VII-я книга дневника // ВМОМК. Ф. 87. Ед. хр. 1068. 147 с.

⁴ См.: eLIBRARY – Лаптева Вероника Алексеевна – Список публикаций. URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=364948

*Лаптева В. А. Трансформация звукового пространства бытия в России 1920-х гг.
и ее влияние на образование в XX в. (по материалам дневников Н. Ф. Финдейзена*

*Финдейзен Н.Ф. О введении в программу учебного плана Народной школы курса
Всеобщей истории музыки. Докладная записка и программа одногодичного курса.
(18 сент. 1918 г). ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 1. Ед. хр. 258. Л. 2.*